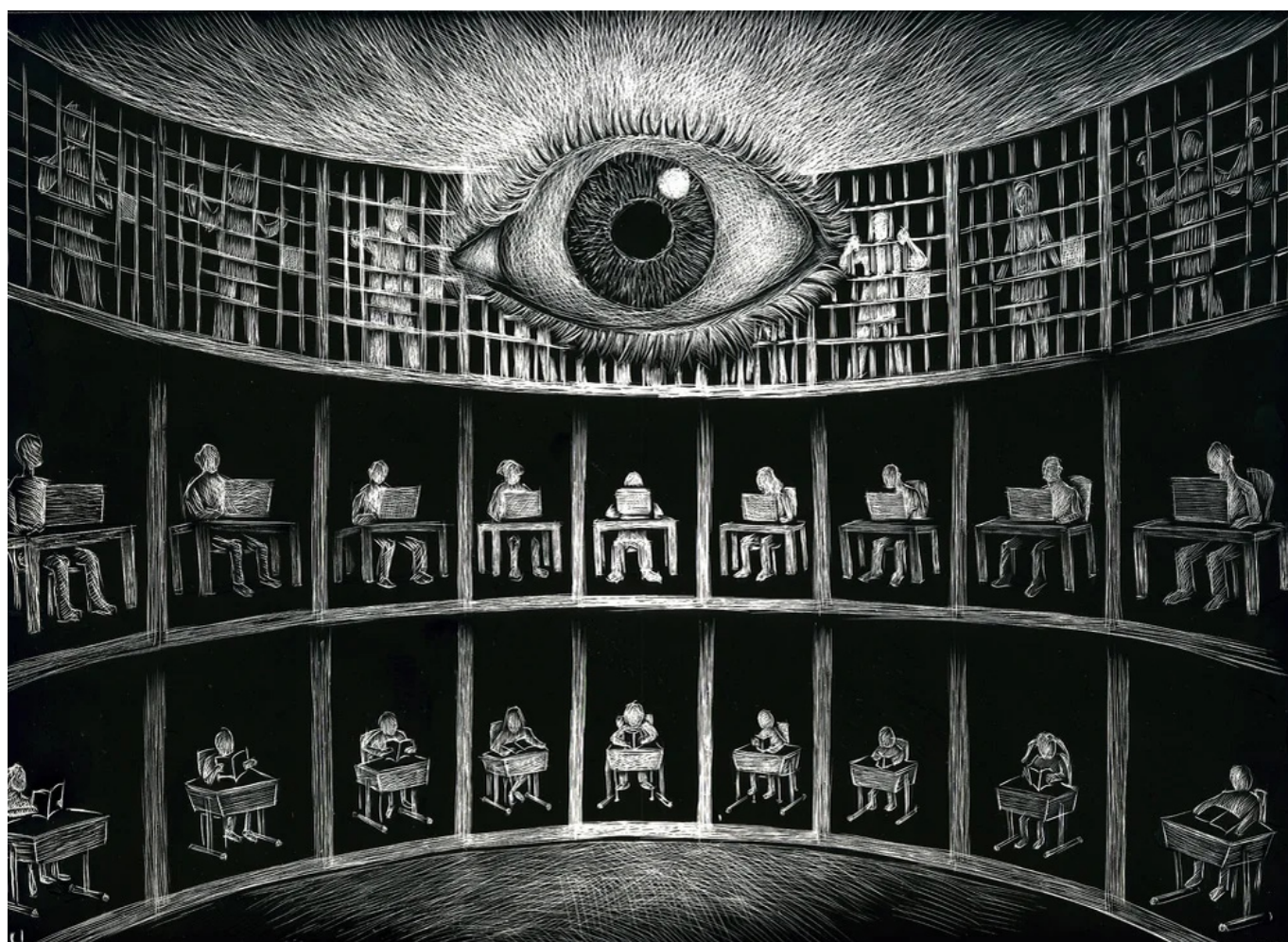

Вечный российский «Паноптикум» | « Le Panopticum » russe, éternel

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 05.12.2024.

Одно из возможных изображений паноптикума (DR)

Женевское издательство La Vaconnière опубликовало повесть Андрея Соболя, написанную почти ровно сто лет назад и способную стать открытием даже для русскоязычного читателя.

La maison d'édition genevoise La Baconnière présente la première traduction en français d'une nouvelle d'Andreï Sobol écrite il y a presque pile cent ans.

« Le Panopticum » russe, éternel

Издательство, родившееся в 1927 году под именем À la Baconnière, сократило с тех пор свое название до La Baconnière и переехало с берега Невшательского озера на берег Женевского. Оно не позиционирует себя как специализирующееся на русскоязычной литературе, хотя среди «его» авторов и фигурируют Сергей Довлатов и Светлана Алексиевич, а также слегка притянутые за уши американцы с русскими корнями – Нобелевский лауреат Сол Беллоу и менее известные Гриша Брускин и Марианна Волкова, плюс бывший профессор Женевского университета Борис Муравьев (с двумя «ф»), родившийся в России в 1890-м и навсегда покинувший ее в 1920-м. То есть за год до того, как Андрей Михайлович Соболев написал свой «[Паноптикум](#)».

Андреем его не звали, звали одно время Юлием, а если копнуть поглубже, то и вовсе Израилем. Израилем Моисеевичем уродился он в Саратове в 1888 году. Жизнь его была бурной. Членство в партии социалистов-революционеров, каторга и ссылка, побег с поселения за границу, нелегальное возвращение в Россию, скитания по ней, аресты красными и белыми... В промежуточном итоге: признание после Гражданской войны советской власти и даже сотрудничество с ней в качестве одного из секретарей правления Всероссийского союза писателей. Но в конечном итоге – самоубийство (с третьей попытки) в Москве, 7 июня 1926 года. Мы нашли такое описание этого прискорбного события: «Душным июньским вечером к памятнику Пушкина на Тверском бульваре подошёл мужчина средних лет в немодном и жарком двубортном костюме. Вынув из внутреннего кармана пиджака револьвер, мужчина неловким движением приставил его к животу, большим пальцем спустил курок и через два часа умер от потери крови в одной из московских больниц». Не смог все-таки. Ведь если и был Андрей Соболев местами сионистом, прежде всего был он идеалистом. Вот и «не вынесла душа поэта». На момент его смерти Андрею Соболеву, этому мужчине средних лет, было 38. Он был на год старше Пушкина.

Самый подробный рассказ о жизни Андрея Соболева – оставим ему псевдоним, под которым он получил известность – написан, насколько нам известно, исследователем Иерусалимского университета Владимиром Хазаном и опубликован в 2017 году в Бостоне под много чего говорящим названием « A Double Burden, a Double Cross. Andrei Sobol as a Russian-Jewish Writer ». Вряд ли нашим читателям требуется объяснять, что имеется в виду под двойным бременем и двойным крестом, одна из половинок которого – звезда Давида. (Фрагмент исследования на русском языке можно прочитать [здесь](#).)

Андрей Соболев. Фотография 1911 года из Охранного отделения + Публикация А. Соболева в журнале «Рупор», вып. 3. М., 1922.

Литературное наследие писателя, почти на век исчезнувшего за спинами своих более известных современников, достаточно велико. В 1926 году вышло четырёхтомное собрание его сочинений, в 1928-м – трёхтомник. В основном он писал рассказы, но были и более крупные произведения: роман «Пыль» 1915 года, повесть «Салон-вагон» 1922-го. С конца 1920-х годов произведения Соболева не переиздавались, будучи признаны упадническими. Только в годы перестройки несколько его рассказов появились в «Огоньке», а в 2001 году в московском издательстве «Книгописная палата» вышел 320-страничный сборник под подходящим названием «Человек за бортом», в который был включен и «Паноптикум», теперь впервые переведенный на французский язык бельгийкой Фаншон Делинь.

Единственный замеченный нами на сегодня отклик написан писательницей Еленой

Бальзамо для Le Monde. Короткий, он начинается так: «Активный сионист с социалистическими симпатиями...» Есть основания полагать, что, особенно с учетом нынешней геополитической обстановки, многие читатели французской газеты дальше не пойдут. Поэтому мы решили продолжить рассказ.

В руки женевского издательства «Паноптикум», этот длинный рассказ или короткая повесть, попал почти случайно: текст привел в восторг знакомого нашим читателям [Жиля Зильберштейна](#), узнавшего о нем из книги Анник Морар «Урод. Культурная аутопсия монстров в России», вышедшей в том же издательстве La Baconnière в 2020 году.

Первый абзац текста Соболя вызывает в памяти русские новогодние открытки или зимние пейзажи великих русских пейзажистов. Или русских «с двойным крестом», типа Исаака Левитана. А то и вовсе Шагала. «Белые дни и белые ночи – все белым-бело. Сугробы в рост человеческого, за воротами во дворах, по садам за плетнями, по огородам горы неукатанные, между небом и землей ни одной точки, ни одного пятнышка, а внизу куцые домишки и покляпые хибарки, как изюминки в сдобном пушистом каравае». Лепота!

Обложка французского издания "Паноптикума"

Зато второй абзац переворачивает сусальную страницу и резко позиционирует читателя во времени и пространстве: «Второй год жизни города Красно-Селимска –

сотни лет знает за собой городок Царево-Селимск. Но – красный колокол ударил по царскому затылку, исправника застрелили на Козьей Горке, в участке на стенке четырехугольное белосоватое пятно вместо портрета с короной и державой, на тех же гнилых обоях с мушиными воспоминаниями, но на другой, соседней, стене новый портрет, гарнизонный начальник на Кубани, в его доме районный комитет, из Борисоглебской обители раку с мощами увезли в вагоне с надписью «рыба», петербургский футурист в фуфайке с вырезом открыл студию поэтики, а снег все падает и падает».

Если не у всех читателей рыбный вагон с мощами вызовет грустную ассоциацию с вагоном с устрицами, в котором останки [Чехова](#) были доставлены из Германии на Николаевский вокзал, то всё остальное наверняка считают все: революция свершилась, вывески поменяли, Гражданская война в разгаре, с электричеством перебои. Все как всегда.

И вот в эту реальность врывается «Паноптикум», «худосочная – всего-навсего три лампочки, – но все же ослепительная вывеска» которого «какие чудеса обещает!» В рассказе Соболя «Паноптикум» – это что-то вроде бродячего цирка. Но давайте вспомним этимологию этого слова, заглянув в толковый словарь.

«Паноптикум или Паноптикон (от др.-греч. πάν «всё» + ὀπτικός «видимый»), в одном из значений этого слова — проект режимного учреждения, идеальной тюрьмы или рабочего дома, гипотетически администрировавшихся и надзиравшихся одним человеком — управляющим-надзирателем. В более широком смысле этого слова паноптикум — музей, коллекция разнообразных необычайных предметов (например, восковых фигур, причудливых живых существ, редкостей, кукол и т. п.). В переносном смысле — сборище чего-то невероятного, жуткого.»

Так вот, у Соболя «Паноптикум» предстает во всей красе всех этих смыслов, что сразу становится ясно приученному к междустрочью читателю. Во французском издании все персонажи – а их на короткий текст целых двадцать два – представлены в самом начале, словно речь идет о пьесе: тут и «члены персонала», и музейные экспонаты и члены сообщества анархистов-эгоцентристов, перетасованные жизненными обстоятельствами, словно карты в колоде, и существующие в окружении кривых зеркал. Отсылка к пьесе – отличная и оправданная находка издателя, ведь читатель присутствует при представлении, да не просто театрально-цирковом, а жизненном, в котором все: любовь, смерть, встречи и расставания представляются нам как бы чередой отдельных «номеров».

В предисловии отважная переводчица Фаншон Делинь, взявшаяся за самый сложный текст, в котором даже не каждый носитель русского языка разберется с наскока, сравнивает повествование Соболя с калейдоскопом – слово найдено! Помните игрушечные калейдоскопы нашего детства, в которых, стоило только их потрянуть, разноцветные стеклышки складывались во все новые узоры. Всегда симметричные.

Как выживать «маленьким людям» в холод, в голод, во времена, когда симметрия нарушена? Пусть не екнет сердце иностранного читателя при упоминании «прошлогодней воблы», пусть не уловит он всех перлов сочного языка Андрея Соболя, но даваемый им ответ на этот вопрос он поймет наверняка: с помощью сохранения человечности, с помощью сострадания, почти физически ощущаемого в этой «картинке с выставки», в этом красочном скриншоте черно-белого хаоса, всегда царящего в России как накануне ее пресловутых бессмысленных и беспощадных бунтов, так и после них.

[русская литература в Швейцарии](#)

[русская литература во французских переводах](#)

[Надежда Сикорская](#)

Nadia Sikorsky

Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/culture/vechnyy-rossiyskiy-panoptikum>